

УДК 904/908

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.22791474](https://doi.org/10.5281/ZENODO.22791474)

**EN ΣΕΒΑΣΤΟΥΠΟΛ, ΟΤΟΥΖ, ΚΑΙ ΚΑΡΑΣΟΙ: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ КАРТЫ
СОХРАНИВШИХСЯ ГРЕЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА НЕКРОПОЛЯХ
КРЫМА XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского;
Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: BeyleGamarnik@yandex.ru*

Представлены результаты натурных и документальных исследований исторических христианских некрополей Крыма дореволюционного периода (нач. XIX – нач. XX в.). На 32 из них сохранились памятники крымских греков. Еще на 9 некрополях, на которых наличие греческих надгробий известно, подобных памятников не сохранилось. По материалам исследований составлена карта-схема расположения греческих надгробных памятников на территории Крымского полуострова. Впервые публикуются некоторые из осмотренных автором памятников (Евпатории, Карасубазара, Старого Крыма). На основании нескольких сотен изученных памятников приводится анализ наиболее типичных черт греческого надгробия как произведения скульптуры малых форм, а также характерные особенности эпитафий: языковые и содержательные. Автор подчеркивает значительную ценность материалов исторической некрополистики для изучения этнических общин, взаимовлияния различных культурных традиций, национальной и социальной истории. Предложены необходимые и наиболее простые методы сохранения памятников исторических некрополей как объектов культурного наследия.

Ключевые слова: крымоведение, историческая некрополистика, греки Крыма, этнография Крыма.

Настоящий очерк хотелось бы начать с краткой заметки о том, как развивалось исследование греческих памятников. В 2020 году автор статьи работал преимущественно с памятниками Симферопольского и Севастопольского еврейского некрополей¹, вместе с этим, знакомясь с особенностями караимских памятников различных периодов². Постепенно становились понятны особенности архитектурного оформления и специфика эпиграфики памятников иудейского

---

¹ Признаны объектами культурного наследия: Севастопольский – Законом города Севастополя от 25 ноября 2015 года № 206-ЗС «Об объектах культурного наследия города Севастополя» (Перечень объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории города Севастополя, №63), Симферопольский – Приказом Министерства культуры Республики Крым от 06.08.2024 № 380-ОКН «О включении выявленного объекта культурного наследия «Еврейское кладбище», расположенного по адресу: Республика Крым, г. Симферополь, ул. Широкая, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения и утверждении границ территории объекта культурного наследия регионального значения».

² Значительная часть из них, благо, опубликована на сегодняшний день [9–12].

населения, появилась возможность даже говорить о типичных чертах еврейского и караимского надгробий. В это же время автор обнаружил фрагменты греческого памятника середины XIX в. в стене бывшего симферопольского банно-прачечного комплекса (по ул. Кирова) и задался вопросом: а существует ли типичное крымское греческое надгробие? По каким памятникам можно о нем судить? Где они сохранились и в каком объеме опубликованы?

Предварительные поиски привели к неутешительным результатам: никаких каталогов памятников нового времени (дореволюционного периода) не существует¹, где искать эти памятники, решительно непонятно, степень сохранности греческих некрополей или греческих участков на общих христианских некрополях неясна. Поэтому после 2020 года автор предпринял попытку самостоятельно собрать эмпирический материал и составить карту некрополей крымских греков дореволюционного периода². Кроме того, полученный материал позволил выявить специфические черты надгробных памятников греческого старожильческого населения Крыма. Особенно интересным оказалось, что черты эти пересекаются с особенностями памятников понтийских и мариупольских греков.

Предварительные итоги отдельных эпиграфических исследований публиковались ранее, например, наиболее интересные памятники некрополей Бахчисарая, Керменчика, Симферополя [15; 17; 19; 21]. Разумеется, эти данные нуждаются в дополнении; закономерным итогом стали бы издания полноценных

¹ Для памятников античной и средневековой греческой эпиграфики, среди которых есть и погребальные, существуют обширные каталоги и базы данных, новые находки достаточно оперативно публикуются [например: 4; 14; 24; 33; 34].

² В поисках мест, где должны располагаться греческие памятники, прежде всего, автор опирался на данные метрических книг и отдельные эпитафии, опубликованные В. Чернопятовым [ГАРК, главным образом, ф. 142, 31]. Несмотря на то, что почти ничего не удалось встретить в научных публикациях, сведения о греческих памятниках не систематически, но довольно широко публикуются в сети: на сайте Общества некрополистов (А. Косова), сетевыми сообществами «Феодосия Истории Судьбы» (Д. Первухин, Т. Голуб), «Крымский дневник» и «Летопись» (М. и Н. Вербицкие), «Не только крымская старина», «ОтузыКрым» (Л. Шепелева). Несколько фотографий памятников выдающихся греков XIX в. (контр-адмирала И. М. Манто и контр-адмирала М. Н. Кумани на Братском кладбище Севастополя на Северной стороне, семьи вице-адмирала Н. А. Алексиано на некрополе Бельбека, народовольца М. Н. Тригоны в Балаклаве, титулярного советника А. Кондараки в Карасубазаре) опубликовано в книге-альбоме «Греки. Крымская Эллада» (2020) [8, с. 130–131, 135, 151, 162]. Отчет о собственных наблюдениях, включающих греческие памятники, на Первом гражданском некрополе Бахчисарая опубликовал краевед В. Н. Борисов [2]. Огромную помощь в уточнении географии поисков и визуальном осмотре памятников оказали наши коллеги, историки и краеведы, а также энтузиасты и равнодушные местные жители: Ю. А. Беляев, Н. А. Тимохина, А. Ждан, И. Лебеденко, А. Кокчеева. Комплексное обследование греческих памятников с. Балта-Чокрак стало возможным только благодаря совместной работе с доцентом Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского В. Л. Руевым [26; 27]. Неоценимую помощь в уборке и очистке памятников различных некрополей, а значит, и выявлении новых памятников (иногда чтобы расчистить плиту и прочесть эпитафию, приходилось снимать метровый слой мусора) оказывали студенты КФУ им. В. И. Вернадского, Севастопольского Филиала МГУ им. М. В. Ломоносова и Симферопольского отделения движения «Культурный патруль» (координатор – К. Д. Шульман). Неоценимую помощь и поддержку на всех этапах работы оказал А. В. Лейбенсон (Капилети). Всем этим людям и организациям автор выражает глубокую признательность и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

каталогов памятников, если не каждого, то, по крайней мере, наиболее обширных некрополей. Эта работа, по возможности, планируется в дальнейшем.

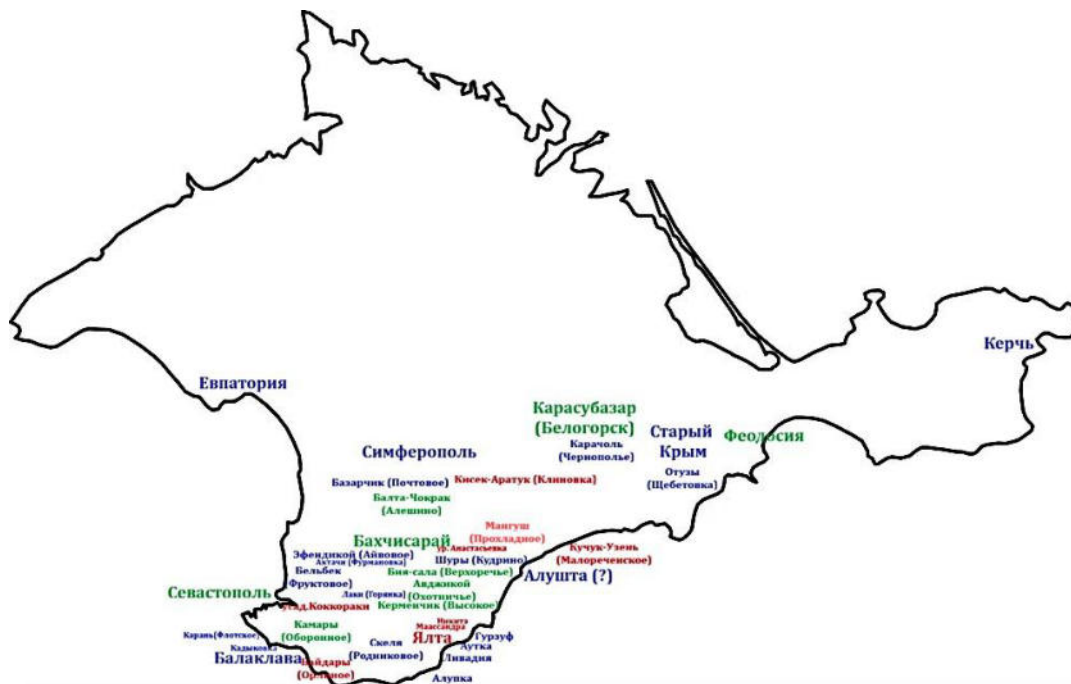

Рис. 1. Карта-схема расположения греческих некрополей Крыма нового времени. Зеленый цвет – некрополи с достаточной сохранностью. Синий цвет – частичная сохранность. Красный цвет – исторический некрополь не сохранился или греческие памятники не сохранились

По итогам исследований 2020–2026 гг. на карту нанесены данные по памятникам 41 некрополя. Для наглядности населенные пункты, в том числе исчезнувшие, подписаны различными цветами.

Зеленый цвет маркирует исторические некрополи с хорошей степенью сохранности, где обнаружено более десяти явно атрибутируемых грекам памятников *in situ*. Таких некрополей на сегодня выявлено 10:

старое христианское кладбище Севастополя (несколько памятников доступны для осмотра; вместе с утраченными опубликованы [28; 29; 30]),

кладбище с. Камары (Оборонное)

Бахчисарайское Первое гражданское кладбище,

Бахчисарайское кладбище в Русской слободке,

некрополь с. Балта-Чокрак (Алешино, ныне не существует),

кладбище с. Бия-сала (Верхоречье),

кладбище с. Авджикой (Охотничье, ныне не существует),
кладбище с. Керменчик (Высокое),
старое греческое кладбище Карасубазара (Белогорск),
старое гражданское кладбище Феодосии.

Синим шрифтом отмечены некрополи, где сохранность греческих участков невысока, количество выявленных памятников не доходит до десяти или часть памятников не поддается уверенной атрибуции крымским грекам (отсутствуют эпитафии, не удается выявить характерные структурные элементы надгробий). Таких некрополей значительно больше, 22:

Симферопольский некрополь по ул. Беспалова (также не *in situ* сохранились и доступны для осмотра памятники ликвидированного Преображенского некрополя [см.: 18]),

Евпаторийский христианский некрополь,
кладбище с. Базарчик (Почтовое),
кладбище с. Эфендикой (Айвовое),

бывший семейный некрополь Ревелиотти в с. Актаци (Фурмановка; предание уверенно связывает сохранившийся склеп с семейной усыпальницей самих Ревелиотти, что пока недоказуемо),

кладбище с. Бельбек (Фруктовое),
кладбище с. Шуры (Кудрино),

отдельные памятники близ монастыря с. Лаки (Горянка, ныне не существует),

Братское кладбище героев Крымской войны на Северной стороне Севастополя (индивидуальные памятники М. Н. Кумани и И. М. Манто),

Греческое кладбище в Балаклаве,
кладбище с. Кадыковка (ныне в черте Балаклавы),
кладбище в с. Карань (Флотское),

кладбище в с. Скеля (Родниковое; сохранился единственный греческий памятник, перемещенный с территории некрополя в центр села),

кладбище пос. Ливадия,

кладбище в Аутке (ныне район Ялты, сохранилась единственная плита 1850 г. при входе в церковь Феодора Тирона),

кладбище пос. Массандра,

кладбище пос. Гурзуф,

старый Алуштинский некрополь (в микрорайоне Мирный; отметим, что принадлежность нескольких памятников грекам лишь предположительна, о чем будет сказано ниже),

старое кладбище с. Карачоль (Чернополье; несмотря на хорошо известную принадлежность некрополя фракийским грекам, жившим в Чернополье с 1869 г., памятники сохранились лишь фрагментарно. Из всего двух обнаруженных эпитафий одна принадлежала русскому крестьянину греческого помещика¹),

---

¹ «Здѣсь покійся ра/бъ Божій Яковъ/ Настошенко сконч/алси 1901 г. февраля/ 5го дня». В метрике Николаевской греческой церкви [6, л. 353 об.–354]: «Феодосийского уезда дер. Карабай

Старокрымский некрополь,
старое кладбище с. Отузы (Щебетовка),

Керченское старое кладбище (одно надгробие сохранилось *in situ* возле храма Иоанна Предтечи, еще несколько – в Лapidарии Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника) [16].

Как видно, отнесение объектов к этой группе зависело и от количества сохранившихся памятников, и от их сохранности, и от возможности отнести их именно к грекам. Вероятно, некоторые объекты при более тщательном исследовании удастся переместить в первую группу.

Красный шрифт указывает на некогда существовавшие, но ныне ликвидированные кладбища; либо на некрополи, где документально засвидетельствованы дореволюционные захоронения греков, но сегодня их выявить не удалось. Таких некрополей отмечено 9:

некрополь понтийских греков, в 1910-х гг. прибывших в с. Кисек-Аратук (Клиновка, предполагаемое место некрополя сейчас находится в частном владении, на нем устроен питомник для кабанов),

кладбище в уроч. Анастасиевка при монастыре св. Анастасии (Качи-Кальон; не сохранилось),

некрополь с. Аранчи (Суворово; дореволюционные памятники в основном замещены советскими),

кладбище с. Мангуш (Прохладное). Частично сохранилось, но греческих памятников пока выявить не удалось;

семейный некрополь при усадьбе Коккораки (не сохранился),

кладбище в с. Байдары (Орлиное; дореволюционные памятники практически полностью замещены поздними, при осмотре выявлено только одно не-греческое надгробие А. Фреймана, умершего в 1917 г.),

Ялтинский некрополь (практически не сохранился [3]),

некрополь Императорского Никитского сада (дореволюционные памятники на некрополе сохранились, однако греческих выявить не удалось),

кладбище с. Кучук-Узень (Малореченское; дореволюционные памятники замещены советскими).

В дальнейшем эта география может и должна быть уточнена. Вероятнее всего, перспективно дообследовать несколько пунктов в югобережной и горной части Крыма. Не удалось попасть и на некрополь при Успенского монастыря в Бахчисарае, однако планируется в скором времени получить разрешение на осмотр памятников.

Отметим, что по количеству сохранившихся греческих памятников некрополи даже внутри первой («зеленой») категории значительно отличаются. На Первом

бывшего помещика Канамери крестьянин Яков Исидоров сын Настошенко. Скончался на 62 г., от хронического воспаления легких. Похоронен на кладбище дер. Карабай». Вероятнее всего, Карабай – это ошибка священника или диакона, зарегистрировавшего смерть. Имя, год смерти совпадают, Я. Настошенко все-таки был погребен в Карачоле

гражданском некрополе Бахчисарая всего выявлено 87 дореволюционных памятников, содержащих эпитафии, из них явно принадлежат грекам – 62. На Русской слободке Бахчисарая – всего 96 памятников с эпитафиями, из них грекам принадлежат однозначно 37. Из обследованных памятников сельского некрополя Бия-салы (Верхоречье) не более половины содержат эпитафии: дореволюционные памятники здесь часто выполнялись в виде крестов разных форм без надписей. Таким образом, из 66 биясальских эпитафий дореволюционного периода на греков уверенно указывают всего 7, однако предположительно, многие из георгиевских анэпиграфных крестов на этом кладбище установлены для членов греческих семей села (Байбутлу, Девлет, Куюмджи).

Достаточно полное обследование комплексов некрополей позволило уточнить и их датировку. Так, наиболее ранними даже на общехристианских некрополях оказались именно греческие памятники: на Первом гражданском кладбище в Бахчисарае (1813 г.), в Балта-Чокраке (1814 г. и 1824 г.). На старом кладбище Карасубазара, которое можно считать преимущественно национальным греческим, сохранились два надгробия с датами до Крымской войны, 1839 г.¹ и 1842 г.².

Основные характеристики крымского надгробия нового времени часто совпадают с памятниками других народов полуострова, притом не только христианских. Их форма, главным образом, вызывалась общей «модой» и предложениями мастерских. К таким памятникам относятся:

- кресты разнообразных форм, преимущественно равнобедренные и георгиевские; последние особенно характерны для первой половины – середины XIX в. Кресты могли дополняться монументальным основанием-голкофой;

- горизонтально лежащие плиты с более или менее богатым рельефом. Самый простой вариант – рельефный крест. Сложные рельефы с различными символами (чаша, книга, кадило, солярные символы, змеи) и элементами классического декора (аканф, пальметты, розетты) встречены нами не в городах, а в селах Балта-Чокрак, Мангуш (Прохладное), Бия-сала (Верхоречье), Лаки. При этом памятники в указанных селах отличаются практически единым «народно-академическим» стилем, в них угадывается одна мастерская или ремесленная школа. Возможно, мастерская действовала силами греков-каменщиков с. Балта-Чокрак, но пока нам известны лишь свидетельства о добыче здесь камня, а не о его обработке [см.: 27].

- «деревья скорби» – форма, популярная в течение всего XIX в. и половины XX в. как у христиан разных национальностей, так и у иудеев Крыма;

- стелы из разнообразных материалов и различной высоты.

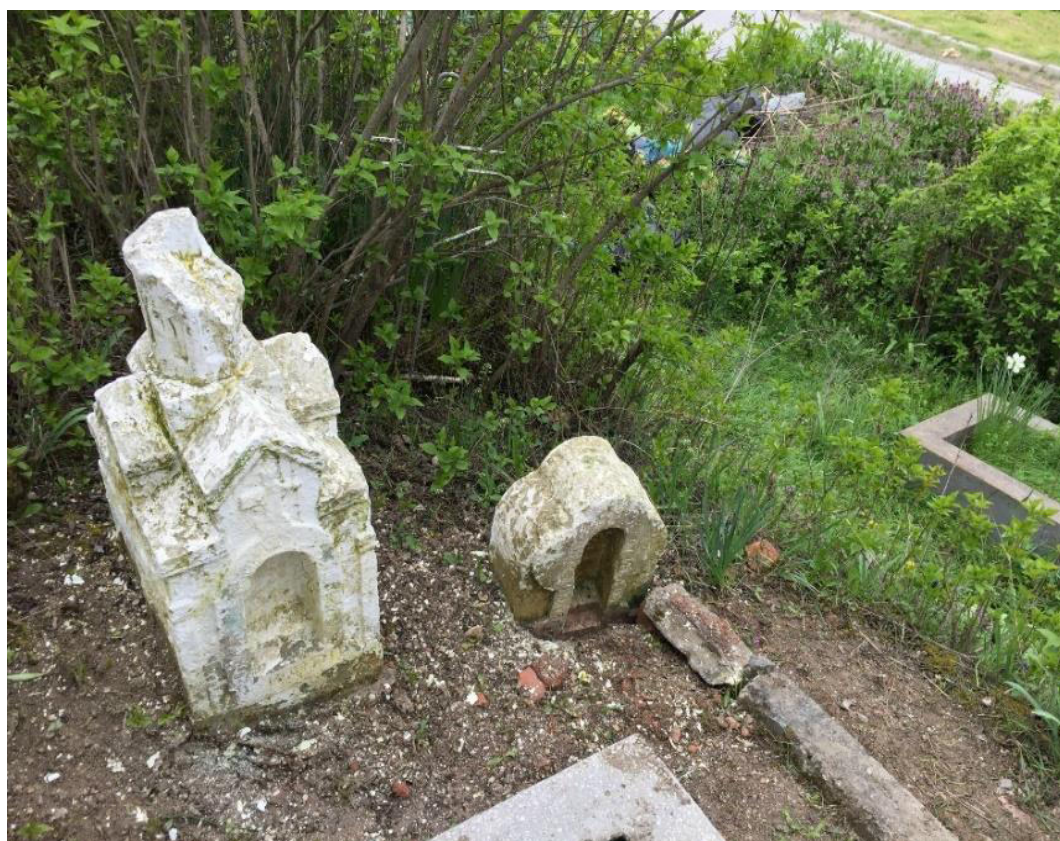
Если же говорить о специфически греческих чертах, необходимо выделить:

- памятники в виде миниатюрной копии храма. Вероятнее всего, традиция восходит к средневековому периоду. В Крыму известны несколько памятников в

¹ «Ἐνθάδε κήτε/ ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ/ Κοστάντη Νικό/λα Μάκρι ἔτο/ς 1839 Ὀκτωβρί/ου 17» (Здесь покоится раб Божий Константин Никола(евич?) Макри, (умер) в году 1839, октября 17).

² «Ἐνθάδε κεῖτε ὁ δοῦ/λος τοῦ Θεοῦ Νικο/λάος Ἰωάννου Λευ/θουγός. Ἀναπαύ/θη ἐν ἔτει 1842/ἰουνίου 15/ἐν Καράσοῦ». (Здесь покоится раб Божий Николай Иоаннович Левфуго. Упокоился в году 1842, июня 15, в Карасу).

виде храмов [35]. В XIX–XX вв. эта традиция сохранилась и зафиксирована в Понтийском регионе Малой Азии (деревни криптохристиан Ставри и Кромни) [32], у греков Кубани и Северного Кавказа, как свидетельствуют материалы экспедиции О. Н. Никитиной и наши наблюдения [25]. Среди дореволюционных памятников Крыма подобных обнаружено всего шесть: 3 в Бахчисарае, по одному в Бия-сале, Отузах и Скеле. Все они датируются первой четвертью XX в. После 1920-х гг. эта традиция исчезает в Крыму, в отличие от других регионов Юга России. На сегодня постановка моделей храмов (уже не из цельного камня, а литых; не в качестве надгробия, а как украшение при основном памятнике) локально в Крыму снова зафиксирована на новом некрополе с. Андрусово, но нельзя говорить о полноценном возрождении этой красивой традиции¹;

Рис. 2. Памятник в виде храма Симелы и Советани Кутуниди из епархии Авлиана, области Трапезунда (1918 г.), Первое гражданское кладбище Бахчисарая

¹ Заметим, что памятники в виде храмов, известны не только у греков. Но именно греческие памятники, как средневековые, так и дореволюционные, всегда представляют собой тип византийской крестово-купольной одно- или трехапсидной церкви.

Рис. 3. Памятник Спиридону Афранову (1922 г.), станция Ессентукская

Рис. 4, 5. Памятник Софии Мазлымиди и Параскевы Тилкериди (1889 г.), Витязево (Анапа). Рядом видна современная металлическая домообразная конструкция, выполняющая роль ниши для свечи

Рис. 6. Памятники в виде миниатюрных копий храма, дер. Ставри, Трапезунд [32, р. 294]

— памятники с нишами для свечи или лампадки. Следует сказать, что ниши устраивались и в храмообразных памятниках. Но подавляющее их количество присутствует на памятниках в виде плиты или креста. Ниши оформлены как прямоугольные и арочные выемки на изголовье плиты или в основании вертикально стоящего креста. Как и в случае с более редкими храмообразными надгробиями, ниши характерны и для крымских средневековых христианских памятников (греческими мы можем считать их с известной долей условности, тем более, большая часть таких памятников – анэпиграфная). Об устойчивости традиции свидетельствуют и памятники Кубани и Сев. Кавказа, где до сих пор устраивают отдельные конструкции для свечей: промышленного производства или самодельные из металла или даже из нескольких сложенных кирпичей [25]. Косвенно подобные формы могут снова свидетельствовать о связи с регионом Понта, откуда в основном происходят греки Северного Кавказа, Анапы и Витязево. Лучшим же подтверждением средневекового происхождения этой формы служит то, что приазовские греки, потомки выведенных из Крыма в конце XVIII в., устраивают аналогичные конструкции для свечей и лампад по сей день. Об этом свидетельствуют фотоматериалы экспедиции М. Араджиони¹ в 1990-е гг. и наблюдения автора² в 2026 г.

---

¹ Недавно обнаружены в Этнографическом музее его сотрудницей А. Усковой; содержат снимки отдельных памятников некрополей Старомлиновки (Старо-Керменчик), Старой Ласпы, Гранитного (Старая Карань), Старобешева, Раздольного (Большая Каракуба), Красной Поляны (Ново-Каракуба), Заможного (Чермалык), Стылы.

² Обследованы некрополи Мариуполя и соседних сел: Старого Крыма, Сартаны, Урзуфа, Мангуша, Ялты.

Рис. 7. Упрощенная конструкция для ниши из кирпичей, пос. Сартана, Донецкая народная республика

Рис. 8. Современные ниши для свечей и лампад на некрополе г. Ессентуки

Несколько дореволюционных крымских памятников (Керменчик, Старый Крым) имеют глубокие ниши, которые закрывались дверцами (дверцы не сохранились ни в одном случае, но видны крепления). Принадлежность их грекам не вызывает сомнений: на памятнике из Керменчика сохранился фрагмент надписи (Αἰωνία τοῦ ἡ μνήμη – «вечная ему память»), на одном из подобных памятников в Старом Крыму: «Ο ΔΥΛΟΣ ΘΕΥ/ΘΕΟΔΩΡΟΣ/[.]ΑΝΡΑΤОВ/ΕΤΕΛΙΟΣ/ΕΤΟΣ 1910/ΜΑΝΥ 28¹» (Раб Божий Феодор [.]анратов, умерший в 1910 году, 29 мая).

Именно эти памятники позволяют атрибутировать как греческие и два алуштинских надгробия с глубокой арочной нишей на одной стороне и врезными восьмиконечными крестами на других сторонах.

Рис. 9. Памятник с нишей и креплениями для дверцы, Керменчик

---

¹ Надпись весьма примечательна: во-первых, она содержит неожиданные эрративы. ΜΑΝΥ вместо Μαῖου, диграф ΟΥ игнорировался резчиком. Последнее – явно под влиянием русского языка и правописания.

ΕΤΕΛΙΟΣ – нечто среднее между имперфектом и причастием τελευτάσας, притом употребленное как прилагательное. Во-вторых, в метрике Успенской церкви Старого Крыма обнаружена запись о смерти турецкоподданного Феодора Георгиева Шаратова или Чарод-оглу (!) [7, л. 169об. – 170]. Значит, скорее всего, первая буква фамилии в эпитафии восстанавливается как [Σ]. В метрике указана уникальная причина смерти: «От ушиба тифоном». Имеется в виду пневматическое паровое сигнальное устройство. Вес у тифонов был различный, мог доходить до двух десятков килограмм. Таким образом, вероятно, тифон мог сорваться с высоты на стоящего под ним человека и привести к его трагической смерти в 58 лет.

Рис. 10, 11. Памятник Феодора Чарод-оглу (1910 г.), Старый Крым

Рис. 12, 13. Алушта, предположительно греческие памятники на участке конца XIX в.: с глубокой нишей для установки свечи и в виде трехапсидного храма

– интересной деталью, хорошо известной у караимов и у крымских татар, являются лунки на камнях. Их происхождение поясняется в воспоминаниях польской путешественницы второй половины XIX в. Е. Скимунт (Поята), в описании ее посещения караимского некрополя Чуфут-Кале: «По свидетельствам резчиков, небольшие круглые углубления на рогах могил обозначали надгробия, под которыми покоятся молодые девушки, а также служили в качестве поилок для птиц: «Что означают эти ямки?» – спрашиваем мы у молчащего караима. «Тут лежат девушки» – отвечивал он, – а в этих ямках собирается вода для птиц» [13, с. 547]. У крымских греков средневековья этой детали на надгробиях не известны, но памятники XIX – XX века уже делались иногда с этими лунками. Плиты с 2-мя или 4-мя лунками встречаем в Бахчисарае, Карасубазаре, Старом Крыму, Карачоле. Две горизонтально лежащие плиты с рельефными крестами и с лунками для воды, круглыми и каплеобразными, сохранились в Евпатории. К сожалению, надпись на одном из них была намерено уничтожена. Второе, на памятнике с каплеобразными лунками, содержит эпитафию Е. Г. Федоровой, жене флотского писаря, умершей 23 августа 1887 г. [2, л. 115] Принадлежность ее, а значит, и ее памятника, к грекам не удалось установить. Однако отметим, что точно такие же каплеобразные лунки отмечены в с. Витязево на памятнике семьи Тосуниди, вероятно, происходившей из Ставри (Понт) (скончались в 1871, 1881 гг.) [17, с. 193].

Рис. 14. Надгробие Иоанна Левфуго (1842 г.) с двумя лунками для воды, Белогорск

Выделим также типичные черты эпитафии крымских греков нового времени.

Как правило, она начинается с формулы Ἐνθάδε κεῖτε – «Здесь покойтесь», в этой фразе крайне часты эрративы (κίτε, κύτε). Далее – почти непереносимая формула, характерная и для русских эпитафий: ὁ δοῦλος (ἡ δοῦλη) τοῦ Θεοῦ – «раб (раба) Божий (Божья)». Обыкновенно затем в эпитафии указывается имя умершего. Если текст краток, далее следуют только даты рождения (не столь обязательно) и смерти. Это необходимый минимум, который должен быть сообщен читателю эпитафии.

К нему иногда прибавляются благопожелания, библейские и богослужебные цитаты¹, ламентации от лица родных или, наоборот, от лица умершего. В трех эпитафиях начала XX века, севастопольской и феодосийских, удалось обнаружить стихотворения на новогреческом языке. На Севастопольском некрополе (дата утрачена, вероятно, 1920-е гг.): «Ποτέ μου δέν σε λυσμονῶ/ ὅσον καίρο θα ζήσω/ με δακρία τον ταφό σου/ πάντα θα τον ποτίζω» («Никогда мне тебя не забыть,/ сколько времени буду я жить,/ и слезами не раз всю могилу/ мне придется твою оросить»). На Феодосийском некрополе (без даты, на участке 1910-х – 1920-х гг., сохранена только часть надписи): «Μήν κλετ' ἐμε ποῦ πεδάκα/ Μήν κλετ' ἐμέ ποῦ παγῶ/ Τριαντάφυλο τῆς ἄνοιξις/ Λουλούδι τῆς αὐγῆς/ Κλαίετε αὐτοῦς ποῦ...» («Не плачьте обо мне, что я дитя./ Не плачьте обо мне, что я ушла./ Весенняя роза,/ Цветок зари – /Плачьте о них, ибо они...»). Там же, в эпитафии Феоклеи Демиджогло из Трапезунда (1905–1918): «Να φτάες τὴν πατρίδα μου/ Μου ἠθάνε γράφτο/ Χωρίς ἀδελφία καὶ γονεῖς/ Στὰ ξενά νά ταφῶ» («Коль придешь в мою Отчизну/ Напиши, что умерла я,/ Что далеко от братьев и родителей,/ На чужбине я покоюсь») [21, с. 59]. Уже в 1920-х гг. использовались и русскоязычные ламентации, например, в с. Камары (Оборонное), в эпитафии скончавшейся на 20 году жизни Ирины Патрино (1924 г.): «Спи дитя мое усни, сладкий сон к себе мани».

Отдельно следует сказать о языке эпитафий. Для первой половины XIX в. более характерны тексты на греческом языке (кафаревусе, книжном варианте языка). С середины века все больше распространяются русскоязычные тексты. Билингвальные эпитафии представляют собой не очень частое явление: несколько билингв уничтоженного Симферопольского «Преображенского» некрополя записал А. И. Маркевич [см.: 18; 23], до сего дня сохранились биясальский (Верхоречье) памятник младенцу Байбутлы (1918) и надгробие Михаила Пусулиди (1890) в Симферополе на Петровском некрополе по ул. Беспалова. Греческий текст в них, в общем, повторяет русскую часть эпитафии. Уникальный случай – трилингвальная эпитафия жены священника с. Лаки Лазаря Карсали, Екатерины Карсали (1833–1882), текст записан на русском, греческом и латинском языках. При этом содержание не повторяется буквально. Так, и русский, и греческий текст указывают имя, годы жизни и статус погребенной («жена священника», «πρεσβητέρα»), но

¹ Например: «ἐμαράνθη δὲ ὥσπερ μόλογη ἐν καύματι ἡ ὥσπερ στάχυς ἀπὸ καλᾶμης αὐτόματος ἀπολεσών» (в Синодальном переводе: «Падают и умирают, как и все, и, как верхушки колосьев, срезаются») Иов 24:24), Τοῦ κυρίου ἡ γῆ καὶ τὸ πλῆρωμα αὐτῆς («Господня земля и исполнение ея» Пс. 23:1). Первая цитата несколько раз встречалась на Преображенском некрополе Симферополя [23], вторая – на надгробии священника Стилиана Попандопуло из Скели.

только в греческой части указано, что Е. Карсали происходила из области Неокесария. Латинский текст ограничен формулой «Nec jacet /cinis servae/ Dei Ekaterina Karsali mortua/ 1882 atii aprili 7 diei» («Здесь лежит прах рабы Божией, Екатерины Карсали, умершей в 1882 году, апреля, 7 дня»). Возможно, выбор трех языков должен был подчеркнуть принадлежность семьи Карсали к духовному званию и приверженность классическому образованию [21, с. 57].

Довольно частыми бывают указания на то, откуда человек прибыл. Таких эпитафий на сегодня известно более 20, притом большая часть упоминает регион понта: Трапезунд, Аргирополис (Гумушхане), Керасунт, Ларахани (село в области Трапезунда), Неокесарию, как в рассмотренном выше примере. Реже встречаются упоминания городов Балканского полуострова и островов.

В качестве примера приведем чтение и перевод ныне утраченного греческого памятник Севастопольского некрополя, фото которого опубликовано в «Старом городском кладбище Севастополя» [30, с. 271]: «Ενθάδε κεῖται/ ὁ πρόωρος τὸν /βίον τερματίσας/ πολὺκλαυστός/ Παναγιώτης/ Νικολάου/ Πανερὰς/ ἐκ Μοσχονησιῶν/ γενηθεὶς 17 μαΐου 1885/ τελευτήσας ἰουλίου/ 1908 ἔτους/ γαῖαν ἔχοις ἐλαφράν». («Здесь покоится преждевременно оставивший жизнь многооплаканный Панайот Николаевич Панерас из Мосхонеси, родился 17 мая 1885, скончался июля 1 (?) 1908 года. Да будет земля тебе легкой»). Мосхонеси – остров в Эгейском море, ныне Алибей. Стоит отметить, что такой топоним в эпитафиях греков Крыма (и вообще греков Юга России) встречается, насколько нам известно, впервые. Там же опубликован еще один утраченный севастопольский памятник с указанием места рождения и смерти [там же]: «Εὐθύμιος/ Βασίλειου/ Βασιλειάδης/ ἐγεννήθη ἐν/ Ἀργυρουπόλει/ τῷ 1853/ ἀπεβίωσε/ ἐν Σεβαστούπολ/ τῇ 1 μαΐου 1913/ Γαῖαν ἔχοις ἐλαφράν» («Ефимий Васильевич Василиади, родился в Аргирополе в 1853, умер в Севастополе 1 мая 1913. Да будет земля тебе легкой»).

В последнем случае отдельно интересно сообщение о месте смерти. Нам известны лишь еще два подобных текста. На старом некрополе Отуз (Щебетовки) краевед Л. Шепелева обнаружила надгробие Георгия Элевтериевича Элевтериади (1881–1910), в чьей эпитафии сказано, что умерший «καταγόμενος ἐκ Ἀσιατικῆς Χαλδίας» («происходит из Азиатской Халдии»), то есть, также из области Понт. Далее, к сожалению, текст с названием деревни значительно испорчен. В конце эпитафия гласит, что умер Г. Элевтериади ἐν Ὀτοῦζ – в Отузах. Тюркский топоним, очевидно, передан без попытки согласовать падеж. Составителю эпитафии или резчику, вероятно, название Отузы не было очень привычно. Напротив, в Белогорске первой половины XIX в. (Карасубазаре, который иногда называли, по имени реки, Карасу) для составителя одной из греческих эпитафий название города успело стать родным и понятным, потому он обошелся с ним свободно, поставив в архаичный дательный падеж²: «ἐν Κάρασοῦ» (в Карасу).

---

¹ Если присмотреться, ἰουλίου записано как «10 υλίου», что как бы вмещает в себя укороченное слово и числительное. Нетипичная ошибка резчика.

² Правда, допустив ошибку и написав окончание -οῦ вместо -ου.

Аналогичные греческие эпитафии встречаются и в других городах Юга России. Так, надписи Таганрога называют выходцев из Константинополя, Керасунта, Далмации, Эпира, островов Кефалонии, Спеце, Сироса, Родоса; из Эллады. Место смерти в нескольких случаях записывалось в форме «Ταγανρόγ» и «Ταγάν». В эпитафии константинопольского купца А. Г. Мамеледжогло (ум. в 1841 г.) встречаем интересное противопоставление. Начало стихотворной эпитафии гласит: «Ἐν Βυ[ζα]ντίῳ πέφυμαι τῇ λαμπροτάτῃ πόλ[ει]. Κ[εῖμ]αι δ' ἐνθαῦτα ἄφωνος ἐν Ταγανρόγ τῇ κ[ώμ]ῃ...» («Родился я в славном городе Византии, а здесь лежу, безгласный, в деревне Таганрог...»). Константинополь назван Византием – явная претензия на высокий стиль, а в топониме Таганрог последняя «г» передана русской графемой [см: 20, с. 335, 339–340]. На одном из сохранившихся памятников некрополя г. Анапы, указано, что Параскев Ставраки (1828–1893) «ἐγεννήθη μὲν ἐν Σινώπῃ... ἀπεβίωσεν δὲ ἐν Ἀνάπῃ» (родился в Синопе, умер же в Анапе) [17, с. 190].

Эпитафии представителей и других народов Крыма в рассматриваемый период иногда указывают место рождения и смерти, которое может не совпадать с местом погребения. Очевидно, что это связано с миграциями, в том числе внутренними, когда по разным причинам представлялось важным подчеркнуть, откуда происходил умерший. Во время Первой мировой войны до Бахчисарая добралось небольшое число белорусских беженцев. Один из них, пятнадцатилетний Михаил Конда, умер здесь в 1916 г. Его эпитафия подробно отмечает прежнее место жительства юноши: «бѣженецъ Минской губерніи Новогрудского уѣзда Селюбской волости деревни Гердовки». Немецкая эпитафия на памятнике Карла Якоба Петерсона (1846–1876), обнаруженная на Ливадийском старом кладбище М. и Н. Вербицкими, сообщает, что тот «geb. zu St. Petersburg... gest. in Theodosia» (род. в Санкт-Петербурге, ум. в Феодосии). На еврейском некрополе Севастополя встречается несколько указаний на место рождения: Варшава, Одесса, Карасубазар, Симферополь. Предполагается, что все эти люди умерли в Севастополе. Эпитафия купца Бенциона-Хаима Певзнера (1841–1903) подробно повествует о том, что он происходил из города Новозыбков¹, скончался в Балаклаве², похоронен же в ³Севастополе.

Как и в эпитафиях представителей других народов, в эпитафиях грекам в течение всего XIX – нач. XX в. могли быть указаны звания, титулы, профессии. В Бахчисарае (выявлены при натурном осмотре) и Симферополе (доступны только в публикации А. И. Маркевича) выделяется целая группа служащих Балаклавского батальона. На Первом гражданском некрополе Бахчисарая в 1835 г. поставлен известняковый крест Антониону Тенеди, бывшему «πράτορι 3 ἴκος του Γρέκικου μπαταλιόνιου» («прапорщиком 3 роты Греческого батальона. На этом же некрополе сохранился георгиевский крест над погибшим в 1855 г. Дмитрием Самнионовом, «Бала: баталиона редавом». В Русской слободке Бахчисарая, помимо братского

¹ מעיר נובוזיבקוב

² בעיר באלאקלאוו

³ בעיר סבסטופל

захоронения воинов Крымской войны, умерших от ран в госпитале Ханского дворца, есть и индивидуальные захоронения солдат. Одно из них – Козмы Дмитриевича Нисирио, о котором сказано, что он был «οὐνδερ.οφικηάλος κε καβαλέρος του Γρεκικού πλαταλιόνιου» («унтер-офицер и кавалер Греческого батальона»).

Воинский чин мужа, как и гражданский, мог указываться в эпитафии жены: «Здѣсь покоит/ся раба Божія же/на старшаго ун/теръ офицера и/ кавалера Магдали на Гурьевна/Михайли/Сконч. 22 іюня 1902 г.» (некрополь Русской слободки Бахчисарая).

Так же указывались и духовные звания, и в эпитафии самому умершему, и в эпитафиях родных: «Здѣсь покоится супруга/ Любимая жена, Дней мо/ихъ подруга, Мать детямъ/ Клеопатра Филатовна/ Николиполити жена/ Διαкона Бахчисар. Собора/ Скончавшаяся 1893 года/ въ 9 д. отъ роду 41 года», «Священник/Василий Васильевич/ Феодори/ Скончался 26/8 января/ 1925 года на 75 г. жизни» (некрополь Русской слободки Бахчисарая). Аналогичный случай, который представляет собой эпитафия жены священника Карсали из Лак, рассмотрен выше.

Указаний на купеческую деятельность в эпитафиях греков более всего встречаем в надписях Преображенского Симферопольского некрополя, сохраненных А. И. Маркевичем. Таких купеческих эпитафий он привел 6, притом в надгробных текстах указывалась принадлежность к гильдии (3: της ταξеος πραυματαυτης – «купец 3-й гильдии») [23, с. 336].

Причину смерти найти выше вероятность в метрической записи, нежели в эпитафии. Однако иногда в надгробном тексте указывалась и она, особенно когда речь шла о трагической, внезапной смерти. На кресте в Русской слободке, недалеко от часовни, встречаем текст: «Здѣсь покоится/ унт:-офиц: I эскад:/Крымск: Девизи:/Федоръ Филимонович Шиш:/скончав: 6 янва: 1882 го/отъ выстрела изъ охот:/ничья оружья произве:/деннаго нечаяно его товарище:/другомъ». Несмотря на сокращение фамилии, можно с уверенностью сказать, что фамилия жертвы трагического случая на охоте – Шишман. В Крыму эта тюркская фамилия¹ ассоциируется, прежде всего, с караимами (например, в Симферополе в нач. XX в. работала «Паровая фабрика овощных и фруктовых консервов, халвы и рахат-лукума братьев М. и И. Шишман», известных купцов-караимов), но известна она и среди крымских и мариупольских греков. В Мариуполе даже бытовала этиологическая легенда, что греческие семьи с «караимскими фамилиями» Шишман, Каракаш, Топалов и др. являются выходцами из Чуфут-Кале, не пожелавшими в 1778 г. оставаться в Крымском ханстве и поэтому принявшими крещение и переселившимися в Приазовье вместе с греками и армянами [22, с. 70]. Однако тюркские фамилии были равно присущи и караимам, и крымчакам, и грекам, притом не только крымским, но и прибывшим из Малой Азии. Поэтому караимское происхождение Шишманов сложно подтвердить. Так или иначе, среди крымских Шишманов были в последней четверти XIX – нач. XX в. не только караимы, но и

---

¹ Şişman, турецк. – толстый, тучный.

бахчисарайские и севастопольские мещане греческого происхождения. В метрике Трехсвятительской греческой церкви Севастополя за 1908 г. встречаем Дмитрия Феодоровича Шишмана, севастопольского мещанина, предположительно, сына Феодора Филимоновича, случайно убитого другом [1, л. 109].

Наконец, на самих памятниках встречаются редкие и потому ценные отметки об их производителях. На греческих надгробиях обнаружены не клейма больших мастерских, а две индивидуальные подписи резчиков. Обе происходят из некрополя в Русской слободке Бахчисарая. Это подписи на русском языке И. Бузакиди и Э. Хатулова на греческих надгробиях 1902 г. и 1906 г. Подпись первого резчика на греческом языке (ΙΩΑΝΝΗΣ ΠΟΥΖΑΚΙΔΗΣ) хорошо известна на портале перестроенной церкви в с. Авджикой. Более того, фамилия ΠΟΥΖΑΚΙΔΗΣ отчетливо читается на средневековом деформированном памятнике перед порталом церкви. Зачем она была сделана, остается загадкой. На сегодня попытки автора обнаружить какие-либо дополнительные сведения об этих резчиках (например, в документах ремесленной или городской управы) потерпели неудачу, однако продолжать их необходимо: о работе мастеров-каменщиков в дореволюционном Крыму, особенно об изготовителях надгробий, известно крайне мало.

Рис. 15. Подпись резчика И. Бузакиди на средневековом надгробии, Авджикой

Настоящий обзор некрополей имеет, как представляется, следующие перспективы. Предлагаемая карта должна быть уточнена и дополнена. Значительная часть неопубликованных материалов некрополей может быть каталогизирована и «привязана» к интерактивной карте. Эти материалы планируется разместить в свободном доступе, что позволит познакомиться с памятниками некрополей не только историкам и краеведам различных регионов, но и любому желающему, что

позволит найти родственников, выявить мнимо утраченные захоронения, провести мероприятия по сохранению и мемориализации памятников исторических некрополей. Последняя задача может быть реализована различными способами: постановкой отдельных памятников или их комплекса на государственный учет, проведением общественного мониторинга, установкой информационных табличек. Последнее, наряду с уборкой и мониторингом некрополя, местные жители и автор опробовали в с. Бия-сала (Верхоречье). Здесь возле 6 дореволюционных надгробий (среди них 2 принадлежат грекам) установлены таблички с краткой информацией о погребенном, а также с указанием на важность памятника для истории села и всего Крыма. Установка табличек стала ответом на разрушение дореволюционных памятников и была крайне благосклонно принята жителями села; насколько можно судить, она уже приносит скромные плоды: по крайней мере, новые случаи порчи старых надгробий не известны.

Рис. 16. Информационная табличка возле надгробия К. Куюмджи (1907 г.) в с. Верхоречье

Автор выражает надежду, что представленные материалы и рекомендации имеют некоторую практическую ценность для сохранения культурного наследия, а также дальнейших изысканий генеалогов, краеведов, этнографов.

Список использованных источников и литературы

1. Архив г. Севастополя, ф. 30, оп. 1, д. 90.
Arhiv g. Sevastopolya, f. 30, op. 1, d. 90.
2. Борисов В. Н. Захоронения героев народного сопротивления немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов и первой обороны г. Севастополя 1854–1855 годов на городском кладбище в г. Бахчисарае по ул. Партизанская (по материалам натуральных и архивных исследований): в 2-х т. – Бахчисарай, 2016. – 31+65 с.
Borisov V. N. Zahoroneniya geroev narodnogo soprotivleniya nemecko-rumynskoj okkupacii 1941–1944 godov i pervoj oborony g. Sevastopolya 1854–1855 godov na gorodskom kladbishche v g. Bahchisaraj po ul. Partizanskaya (po materialam naturnyh i arhivnyh issledovanij): v 2-h t. – Bahchisaraj, 2016. – 31+65 s.
3. Булавинцев А. А. К вопросу об истории городского кладбища Ялты // Вестник Марийского государственного университета. Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – № 2(26). – С. 115–131.
Bulavincev A. A. K voprosu ob istorii gorodskogo kladbishcha Yalty // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki. – 2021. – № 2(26). – S. 115–131.
4. Виноградов А. Ю. Новооткрытые греческие христианские надписи из Северного Причерноморья и вопрос о статусе пещерных обитателей в Горном Крыму // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. – Вып. 2. – 2019. – С. 331–356.
Vinogradov A. Yu. Novootkrytye grecheskie hristianskie nadpisi iz Severnogo Prichernomor'ya i vopros o statuse peshchernyh obitelej v Gornom Krymu // Miry Vizantii. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. – Vyp. 2. – 2019. – S. 331–356.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 142, оп. 1, д. 2.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 142, op. 1, d. 2.
6. ГАРК, ф. 142, оп. 1, д. 500.
GARK, f. 142, op. 1, d. 500.
7. ГАРК, ф. 142, оп. 1, д. 796.
GARK, f. 142, op. 1, d. 796.
8. Греки. Крымская Эллада. Книга-альбом/ Авт.-сост.: Шонус И. А., Пипия О. М., Лаптев Ю. Н., Габриелян А. О., Будурова Н. В. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2022. – 288 с.
Grekii. Krymskaya Ellada. Kniga-al'bom / Avt.-sost.: Shonus I. A., Pipiya O. M., Laptev YU. N., Gabrielyan A. O., Budurova N. V. – Simferopol': GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2022. – 288 s.
9. Ельяшевич В. А. Караимское кладбище в Феодосии. История, запечатленная в камне / Под ред. М. Б. Кизилова. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. – 176 с.
El'yashevich V. A. Karaimskoe kladbishche v Feodosii. Istoriya, zapечатlennaya v kamne / Pod red. M. B. Kizilova. – Simferopol': GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2018. – 176 s.
10. Караимы – последние жители Мангупа / Ред.-сост.: В. А. Ельяшевич, М. Б. Кизилов, И. С. Липунов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2021. – 160 с.
Karaimy – poslednie zhiteli Mangupa / Red.-sost.: V. A. El'yashevich, M. B. Kizilov, I. S. Lipunov. – Simferopol': GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2021. – 160 s.
11. Каталог памятников караимского кладбища в Севастополе. – Севастополь: РОО «Национально-культурное общество караимов Севастополя Фидан», 2020. – 539 с.
Katalog pamyatnikov karaimskogo kladbishcha v Sevastopole. – Sevastopol': ROO «Nacional'no-kul'turnoe obshchestvo karaimov Sevastopolya Fidan», 2020. – 539 s.
12. Кашовская Н. В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики (МАИЭТ). – 2017. – Вып. XXII. – 239–277 с.
Kashovskaya N. V. K itogam izucheniya karaimskogo nekropolya v ushel'e Tabana-dere (Mangup): problemy hronologii i periodizacii // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavriki (MAIET). – 2017. – Vyp. XXII. – 239–277 s.
13. Кизилов М. Б. Крымские пещерные города по описанию Е. Сирмунт (Поята) // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С. 543–548.

- Kizilov M. B. Krymskie peshchernye goroda po opisaniyu E. Skirmunt (Poyata) // МАИЕТ. – 2002. – Вуп. 9. – С. 543–548.
14. Корпус боспорских надписей / Под ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 951 с.
Korpus bosporskih nadpisej / pod red. V. V. Struve. – М.; Л.: Nauka, 1965. – 951 s.
15. Лейбенсон Ю. Т. Памятники XIX – начала XX века на двух старых бахчисарайских кладбищах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7, № 3(73). – С. 72–86.
Lejbenson Yu. T. Pamyatniki XIX – nachala ХХ veka na dvuh staryh bahchisarajskih kladbishchah // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2021. – Т. 7, № 3(73). – С. 72–86.
16. Лейбенсон Ю. Т., Пономарёв В. В. К вопросу об интерпретации эпитафии 1855 года // Археология и история Боспора: сб. матер. международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора (Результаты новейших исследований памятников Боспорского царства)», 10–13 авг. 2022 г. – Симферополь: Антиква, 2023. – Вып. V. – С. 69–76.
Lejbenson Yu. T., Ponomaryov V. V. K voprosu ob interpretacii epitafii 1855 goda // Arheologiya i istoriya Bospora: Sb. mat. mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Arheologiya i istoriya Bospora (Rezultaty novejshih issledovanij pamyatnikov Bosporskogo carstva)», 10–13 avg. 2022 g. – Simferopol': Antikva, 2023. – Вуп. V. – С. 69–76.
17. Лейбенсон Ю. Т., Лейбенсон А. В. Греческие памятники на кладбищах Анапы и Витязево // Изучение и сохранение исторических некрополей: матер. III Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2024. – С. 183–194.
Lejbenson Yu. T., Lejbenson A. V. Grecheskie pamyatniki na kladbishchah Anapy i Vityazevo // Izuchenie i sohranenie istoricheskikh nekropolej: Mat. III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Rostov-na-Donu, 2024. – С. 183–194.
18. Лейбенсон Ю. Т. Греческие памятники «Старого» (Преображенского) Симферопольского некрополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2026. – Т. 12, № 2. – С. 31–54.
Lejbenson Yu. T. Grecheskie pamyatniki «Starogo» (Preobrazhenskogo) Simferopol'skogo nekropolya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2026. – Т. 12, № 2. – С. 31–54.
19. Лейбенсон Ю. Т., Лейбенсон А. В. Греческие памятники старых Бахчисарайских кладбищ // Россия и Греция: диалоги культур. – Петрозаводск, 2022. – С. 91–98.
Lejbenson Yu. T., Lejbenson A. V. Grecheskie pamyatniki staryh Bahchisarajskih kladbishch // Rossiya i Greciya: dialogi kul'tur. – Petrozavodsk, 2022. – С. 91–98.
20. Лейбенсон Ю. Т., Алексеенко Е. А. Греческие эпитафии таганрогских некрополей XVIII – XX веков // Изучение и сохранение исторических некрополей: матер. IV Всероссийской научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2026. – С. 329–355.
Lejbenson Yu. T., Alekseenko E. A. Grecheskie epitafii taganrogskih nekropolej XVIII – XX vekov // Izuchenie i sohranenie istoricheskikh nekropolej: Mat. IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Rostov-na-Donu, 2026. – С. 329–355.
21. Лейбенсон Ю. Т. «Странник, коль желаешь знать имя мое...»: эпитафии греков Крыма XIX – XX в. как форма коммуникации // МедиаВектор. – 2026. – № 20. – С. 56–61.
Lejbenson Yu. T. «Strannik, kol' zhelaesh' znat' imya мое...» Epitafii grekov Kryma XIX – XX v. kak forma kommunikacii // MediaVektor. – 2026. – № 20. – С. 56–61.
22. Мариуполь и его окрестности: Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии. – Мариуполь: Типо-Литография А. А. Франтова, 1892. – 461+56+VIII с.
Mariupol' i ego okrestnosti: Otchet ob uchebnyh ekskursiyah Mariupol'skoj Aleksandrovskoj gimnazii. – Mariupol': Tipo-Litografiya A. A. Frantova, 1892. – 461+56+VIII s.
23. Маркевич А. И. Некрополь Симферополя. I: Старое христианское кладбище в Симферополе // Известия Таврической ученой комиссии. – 1918. – № 55. – С. 330–367.
Markevich A. I. Nekropol' Simferopolya. I: Staroe khristianskoe kladbishche v Simferopole // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi komissii. – 1918. – № 55. – С. 330–367.

24. Надписи Северного Причерноморья / *Inscriptions of the Northern Black Sea* [Электронный ресурс]. – URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>
- Nadpisi Severnogo Prichernomor'ya / *Inscriptions of the Northern Black Sea* [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>
25. Никитина И. О. Надгробия и надгробные надписи у греков России: о чём кладбище может нам рассказать // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. – 2024. – № 3/4. – С. 200–224.
- Nikitina I. O. Nadgrobiya i nadgrobnye nadpisi u grekov Rossii: o chyom kladbishche mozhет nam rasskazat' // *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii*. – 2024. – № 3/4. – S. 200–224.
26. Руев В. Л., Лейбенсон Ю. Т. «Мы поселены между гор...»: к истории села Балта-Чокрак в юго-западном Крыму в конце XVIII – XX вв. // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки*. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 56–88.
- Ruev V. L., Lejbenson Yu. T. "My poseleny mezhdur gor...": k istorii sela Balta-Chokrak v yugo-zapadnom Krymu v konce XVIII–XX vv. // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. – 2024. – T. 10, № 1. – S. 56–88.
27. Руев В. Л., Лейбенсон Ю. Т. Заметки по исторической географии культурного ландшафта села Балта-Чокрак в юго-западном Крыму в конце XVIII – первой половине XX в. // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки*. – 2024. – Т. 10(76), № 3. – С. 188–239.
- Ruev V. L., Leibenson Yu. T. Zametki po istoricheskoi geografii kul'turnogo landshafta sela Balta-Chokrak v yugo-zapadnom Krymu v kontse XVIII – pervoi polovine KHKh v. // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. – 2024. – T. 10(76), № 3. – S. 188–239.
28. Малиновская О. И., Ефимов А. В., Крестьянников В. В. Старое городское кладбище Севастополя: народы, имена и судьбы: в 3-х кн. / Под ред. О. И. Малиновской. – Симферополь: Антиква, 2020. – Кн. 1. – 448 с.
- Staroe gorodskoe kladbishche Sevastopolya: narody, imena i sud'by: v 3 kn. Kn. 1 / O. I. Malinovskaya, A. V. Efimov, V. V. Krest'yannikov; pod obshch. red. O. I. Malinovskoj. – Simferopol': Antikva, 2020. – 448 s.
29. Малиновская О. И., Ефимов А. В., Крестьянников В. В. Старое городское кладбище Севастополя: народы, имена и судьбы: в 3-х кн. / Под ред. О. И. Малиновской. – Симферополь: Антиква, 2021. – Кн. 2. – 448 с.
- Staroe gorodskoe kladbishche Sevastopolya: narody, imena i sud'by: v 3 kn. Kn. 2 / O. I. Malinovskaya, A. V. Efimov, V. V. Krest'yannikov; pod obshch. red. O. I. Malinovskoj. – Simferopol': Antikva, 2021. – 448 s.
30. Малиновская О. И., Ефимов А. В., Крестьянников В. В. Старое городское кладбище Севастополя: народы, имена и судьбы: в 3-х кн. / Под ред. О. И. Малиновской. – Симферополь: Антиква, 2023. – Кн. 3. – 272 с.
- Staroe gorodskoe kladbishche Sevastopolya: narody, imena i sud'by: v 3 kn. Kn. 3 / O. I. Malinovskaya, A. V. Efimov, V. V. Krest'yannikov; pod obshch. red. O. I. Malinovskoj. – Simferopol': Antikva, 2023. – 272 s.
31. Чернопяттов В. И. Некрополь Крымского полуострова. – М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. – 313 с.
- Chernopyatov V. I. Nekropol' Krymskogo poluostrova. – M.: Tip. L. V. Pozhidaevoy, 1910. – 313 s.
32. Ballance S., Bryer A., Winfield D. Nineteenth-century monuments in the city and vilayet of Trebizond: Architectural and historical notes. – 1966. – P. 234–305.
33. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* / Ed. B. Latysev. – Petropoli, 1890. – 351 p.
34. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* / Ed. B. Latysev. – Petropoli, 1916. – XII, 594 p.
35. Yakobson A. L. A propos des relations entre les régions littorales au Nord et au Sud de la Mer Noire // *Bizantinoslavica*. – 1981. – T. XLII, fasc. 1. – P. 43–51.

Leybenson. Yu. T. 'Εν Σεβαστούπολ, Ότουζ, καί Κάρασοί: practical experience in compiling a map of preserved Greek monuments on the Crimean cemeteries of XIX – early XX century.

The proposed study presents the results of field and documentary studies of the historical Christian necropolises of Crimea of the pre-revolutionary period (beg. XIX – early XX century). On 31 of them, monuments of the Crimean Greeks have been preserved. Greek monuments were not preserved on 8 more necropolises, but the author knew about their presence there in the past. Based on the research materials, a map-diagram of the location of Greek tombstones on the territory of the Crimean peninsula was compiled for the first time. Also, for the first time, some of the tombstones examined by the author are published (from Evpatoria, Karasubazar, Staryi Krym). Based on several hundred studied monuments, the most typical features of the Greek tombstone are given as works of sculpture of small forms, as well as linguistic and meaningful characteristic features of epitaphs. The author especially emphasizes the significant value of materials of historical necropolis for the study of ethnic communities, the mutual influence of various cultural traditions, national and social history. In conclusion, the necessary and simplest methods of preserving the monuments of historical necropolises as objects of cultural heritage are also proposed.

Keywords: Crimean studies, historical necropolistics, Greeks of Crimea, ethnography of Crimea.